

Гений вещественности

Общая тема. — 2002. — 30 мая. — с. 10

Давид Боровский плечом «подталкивает» забуксовавший спектакль

Писать о Боровском трудно. Сколько раз в этом убеждался. Я вкрапывал свои рассуждения о нем в разные свои тексты, боязливо вкрапывал, неуверенно, пытаюсь нащупать путь, но так все и оставалось невнятным.

Писать про книгу о Боровском легче. Это уже территория, по ней можно двигаться безответственно. Смелые люди — Алла Михайлова и Римма Кречетова — написали эту книгу («Давид Боровский», Москва, изд-во АРТ, 2002).

Им хотелось дать портрет художника через его сценографию. Это оказалось возможным.

Не знаю, получился бы этот фокус с кем-либо другим — слишком большое количество людей причастно к спектаклю, и вместе они способны заслонить художника, конечно же, если он не выбрал сцену для демонстрации своего таланта, своего превосходства над другими.

В конце концов, пересказать можно только пьесу или оформление, все остальное — воздух.

Но дело в том, что этот всё определяющий воздух, движение его вектора, умеет создавать именно Боровский. Он гений вещественности, творец предметного мира, казалось бы, очень определенный, аскетичный, будто плечом подталкивает забуксовавший спектакль в нужном направлении.

Ты можешь предлагать ему идеи, колебаться в его присутствии, ты можешь даже мало знать про будущий спектакль, — он каким-то невероятным чутьем, точно понимая, с кем имеет дело, выхватывает из тебя все твои желания, пусть даже крохи замысла, и предлагает очень мощное свое.

У меня хватило наглости отвергать некоторые его решения, тем самым превращая их в варианты.

Но тем и силен и свободен художник театра, что мыслит вариантами. Он способен предъявить предмет с разных сторон, он мыслит объемом жизни.

Об этом, как мне кажется, и написана книга.

Первая часть, с момента точки зрения, излишне сдержанна, с боязнью впасть в лирику, наверное, чтобы не обидеть лирикой строгость сценографических решений Давида Боровского.

Алла Михайлова — профессионал, ее критерии во многом кажутся академическими, но дело в том, что за долгие годы работы эти критерии она сама и создала. Вторая часть, написанная Риммой Кречетовой, несколько робка, скорее литературная, чем исследовательская, там есть претензии на разгадку феномена театра Боровского. Это не значит, что надо отказывать той части в проницательности, автор очень внимателен к герою книги, но я не уверен, что Боровский постигается через прикосновение, через увиденное на сцене.

Боровский — это мировоззрение, он возник естественно, странно было бы, чтобы среди всей театральной мишуры не нашлось что-то одно, соответствующее природе.

Он сам и есть догадка о настоящем театре, ему трудно стать этим театром без режиссера, актеров, он не пытается их подменить, он предлагает, подчас вымаливает право вести за собой, ибо он Знает.

Это удивительно, что кто-то Знает! Знает, причастен, именно он, а не кто другой.

В реальности ищет Боровский

ответ, реальности хватит ему на всю жизнь.

Что лежит в основе его работы с предметом? Интерес и сострадание. Все предметы отражают людей, живущих рядом с ними. Все предметы настолько очеловечены, что вызывают сочувствие. Нет ничего, что было бы этому художнику безразлично, может быть, только излом, манерничанье.

Книга написана целомудренно, авторы не подменяют собой художника, если Боровского вообще можно подменить. В ней, как мне кажется, маловато о влиянии на Боровского двадцатых годов, о силе встреч с режиссерами тех лет, великими мастерами. Боровский весь оттуда, он не только «ребё», как его любят называть друзья, но и великий ученик.

Тема — Леонид Варпаховский и Давид Боровский — способна стать отдельной книгой, потому что Боровский учился не приемам, а мышлению.

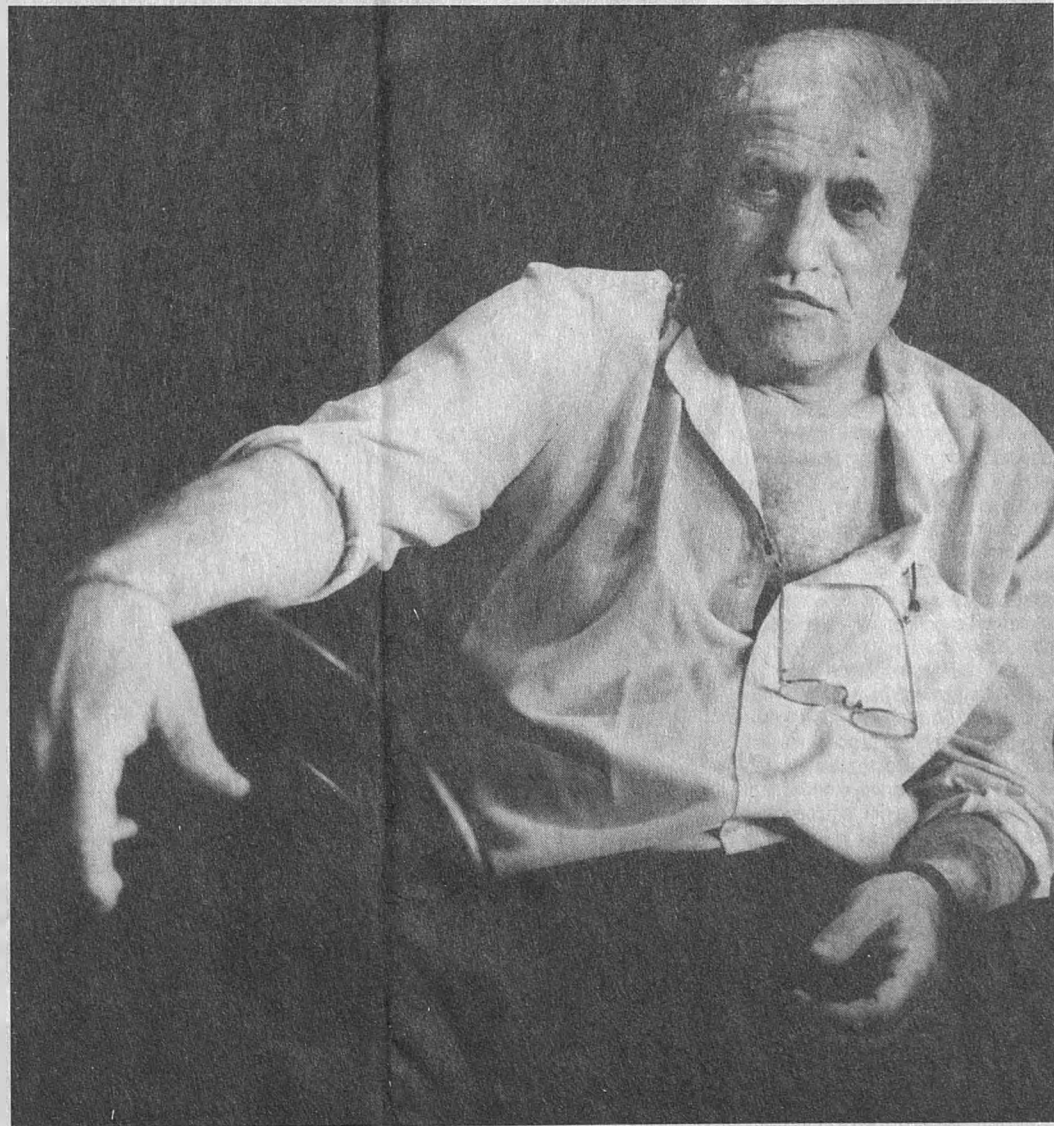
О том, что это такое, можно только догадываться.

Книга составлена из фрагментов, как бы сконструирована, между фрагментами — интервал, воздух. Это хорошо, когда каждый абзац, каждый кусочек самодостаточен — в противном случае книга начинает казаться разрезанной на случайные куски лентой.

Главное не это. Главное, что книга есть, в ней — эскизы, планировки, костюмы Боровского, его линия, его рука.

В ней — искреннее желание авторов восстановить историческую справедливость — при жизни гениального мастера воздать ему должное.

Михаил ЛЕВИТИН

Виктор БАЖЕНОВ